

Н.В. КУЗНЕЦОВ

---

*ПОЛИТИКА И ЭКОНОМИКА:
ДИАЛЕКТИКА ВЗАИМОЗАВИСИМОСТИ*

Беларусь, как и другие республики бывшего СССР, сегодня переживает один из самых тяжелых периодов своего развития. Упадок экономики, кризис идеологии, обнищание народа побуждают к глубокому анализу причин и следствий произошедшего. Попытки разобраться в социальной катастрофе предпринимаются представителями различных научных направлений, но пока что нет целостной картины "заболевания" общества. Несомненно одно: диагноз ставится, необходимые "лекарства" будут про-

---

Николай Васильевич КУЗНЕЦОВ, доктор исторических наук, профессор кафедры политологии БГЭУ

писаны и постепенно оно выздоровеет. Важно отметить, что правильное диагностирование возможно лишь на основе принципиально нового философского, политологического осмысления не только всего духовного, культурного потенциала бывшего СССР и его составляющих, но и человеческой цивилизации в целом.

До некоторых пор на происходящие общественные процессы мы смотрели слишком отвлеченно, односторонне, игнорируя взаимодействие социума с достижениями кибернетики, генетики, биологии, демографии, экологии. Философское, политологическое осмысление этих взаимосвязей отставало от событий, что обусловило немало сложностей, ошибок и просчетов. И это запаздывание мировоззренческого философского анализа сложившихся концепций, игнорирование права на собственное суждение предопределили наше отставание в области компьютеризации, внедрения информационных технологий, в усвоении идей информационной цивилизации, на основе которых целый ряд государств, образно говоря, обрели крылья и уверенно сделали рывок к новому состоянию общества на дороге XXI века. Что это именно так, а не иначе, говорит продолжающийся спор: наши замшелые философы все пытаются уяснить, что первично и вторично — экономика или политика. Это напоминает анекдотические дебаты о первенстве на земле яйца или курицы. Развитые государства, осмыслив достижения века уходящего, пришли к выводу, что прогресс в обществе возможен только лишь при тесном взаимодействии политики и экономики. Эти два компонента являются слагаемыми одного целого — политического процесса, характеризваемого нелинейностью развития, выходом на первый план то одной, то другой категории. Если говорить о бывшем СССР, то там явно превалировала политика, определявшаяся амбициями политических лидеров, догматическим подходом к утвердившимся нормам.

На ряде съездов КПСС были приняты программы ускорения развития народного хозяйства. Согласно этим программам решающее развитие, как это сложилось ранее, получила тяжелая промышленность. В итоге СССР по добыче полезных ископаемых и уровню энергетики вышел на 1-е, 2-е места в мире. К 1990 году страна выплавляла чугуна и стали вдвое больше, чем США, и находилась на первом месте в мире. Но, в свою очередь, это потребовало увеличения производства электроэнергии, добычи руды, строительства новых электростанций, железных дорог, выпуска станков и т.д. Тяжелая промышленность потребляла 80 процентов электроэнергии, колоссальную массу других ресурсов, став сверхзатратной отраслью. Вместе с тем производство средств потребления постоянно падало. Политика "побежала" вперед экономики. По снабжению населения товарами страна занимала последнее место, что вело к дефицитам, очередям, социальной сумятице. Тяжелая промышленность в результате протекционистской политики превратилась в бездонную бочку, пожиравшую все новые и новые вложения государства. Делалось это в угоду военно-промышленному комплексу, продукция которого отнюдь не способствовала улучшению благосостояния граждан, поскольку скапливалась на складах или; будучи проданной, обостряла международную обстановку. Мы наконец пришли к пониманию, что частная собственность является частью общенародной собственности, что • плюрализм форм собственности является таким же естественным, как сама жизнь во всем многообразии ее проявления. И отторжение частной собственности от социалистических идей, в чем мы поднаторели, стремясь "творчески" развить Маркса в своих условиях, представляется неправомерным. Сошлюсь первоначально на современного Российского писателя-мудреца А. И. Солженицына, утверждающего, что "независимого гражданина не может быть без частной собственности".

Сегодня мы испытываем на прочность все формы собственности. Результаты впечатляют: в России доля частного сектора составляла в 1995 г.

55 %, в Польше — 60 %, в Беларуси — 15 %. Занято в нем соответственно 51, 59, 40 % населения. Вместе с тем в целом ряде государств не возносятся в высший ранг. Доля государственности у них остается довольно большой. В 1992 г. доля государственного сектора составляла: в Австрии — 47,2 %, Бельгии — 50,2 %, Франции — 46,1 %, Германии — 45,3 %, Нидерландах ~ 54,1 %, Швеции — 60 %. В США к 2001 г. предполагается довести долю собственности до 35 %. Советская политика "бежала" впереди экономики и тогда, когда оказывалась, если можно так выразиться, протекционистская экономическая помощь СССР Кубе, Египту, Сомали, Вьетнаму, Никарагуа, Эфиопии, Анголе и другим государствам. Экономические "вливания" Кубе были постоянными, в результате долг этой страны СССР, по оценкам Запада, в начале 90-х годов составлял от 9 до 20 млрд дол. Советский Союз ежегодно субсидировал Вьетнаму 1 млрд дол. В 1990г. эту сумму сократили до 60 %, а вскоре еще больше. (Сов. Б. 97, 23.04). Разумеется, этот долг, учитывая изоляционистскую политику и экономическое положение, никогда не будет возвращен. Нескоро будут "залатаны" и бреши, образовавшиеся в результате такой политики и в экономике России. Помощи кредитами, поставками энергоресурсов, оружия, сырья но имя всемирной победы социализма представляла собой транслирование части внутреннего валового продукта, обуславливало диспропорции в развитии народного хозяйства, подготавливая экономический обвал конца 80-х годов. В то же время она не оказывала решающего воздействия на положение стран, заявлявших о своих социалистических ориентациях, но не готовых для таких радикальных преобразований. Политика нередко бежит впереди экономики и сегодня. Причем это болезнь не только "нашенская". Так, Литва, введя частную собственность на землю, ввергла свое аграрное производство в пучину тяжелого кризиса, результатом которого явилось разрушение еще недавно эффективного мясомолочного хозяйства.

В угоду "большой политике" после окончания Великой Отечественной войны советское политическое руководство передало шедевры Дрезденской галереи "первому немецкому государству рабочих и крестьян", не спросив об этом у своего ограбленного фашистами, избитого в войне народа.

Вместе с тем опыт ряда стран показывает, что там, где экономика идет впереди политики, определяет жизнь общества, находится в тесном взаимодействии с политикой, идеологией, там налицо существенные изменения в промышленности, духовной, культурной и социальной сферах. Это достигнуто в итоге информационной революции, открывшей дорогу своими достижениями в информационную цивилизацию XXI века. Чем она характеризуется? Использованием идей нелинейного развития процессов, саморазвития материи и социума, огромным потоком информации, применением информационных технологий в экономике, политике, гуманитар! зацией образования, включающем чтение для студентов технических вузов спецкурсов по проблемам философии, истории, искусству, геополитике, религии, призванных приумножить общую и политическую культуру молодежи, культивировать высокую гражданственность и нравственность, развить эстетический вкус, наполнить интеллект новым содержанием.

Разумеется, этот перечень не охватывает все и вся, но уже это, став достоянием граждан страны, дало огромные подвижки в уровне экономического, политического мышления, обеспечило прорывы в решающих областях знания. Установлено, что если ранее удвоение объема информации происходило за пятьдесят лет, то в наше время это накопление, обновление осуществляется в течение каждых двадцати месяцев. Для информационной цивилизации, где политические партии ставят на первое место свои экономические программы, а не свои амбиции, характерно также сокращение числа занятых в промышленности и сельском хозяйстве за счет широкого применения передовой техники, эффективной технологии,

наукоемких методов организации производства. Если в 60-х годах в аграрном секторе экономики США было занято около 4 %, то сегодня лишь 2 % всех работающих страны. Схожие показатели и в промышленности, где мускульную рабочую силу заменили технологии, исключая человеческое участие в трудовом процессе. Понятно, что результатом этого является увеличение свободного времени работающих, использование его для приращения интеллекта, отдыха, досуга.

Без претензий на попиране экономики, на основе широкого применения достижений науки и техники, рачительного использования сырья и энергоресурсов динамично развиваются Дания, Голландия, Тайвань, Сингапур. Последний, опираясь на интеллект, знания, эффективный труд, вошел в двадцатку богатейших стран мира. В нем имеет место изобилие дешевых и современных по качеству и дизайну товаров, высокий уровень благосостояния, отсутствует безработица.

Показательно, что в информационной цивилизации, характеризуемой высоким уровнем развития и взаимодействия экономики и политики, на качественно новый уровень поднимается роль государства. Как считают разработчики этой концепции, государство не отомрет и в XXI веке, а будет развизаться как самоорганизующая система, совершенствуя свою структуру и функции. Вместе с тем это будет правовое государство, построенное по принципу взаимодействия пяти колец или, что для нас привычнее, пяти ветвей власти: законодательной, исполнительной, судебной, Бласти интеллекта и власти информации. Две последние должны оказывать решающее влияние на все другие ветви, кольца власти. В итоге государство может иметь процветающую экономику и прогресс в социально-культурном плане лишь при взаимодействии этих независимых властей.

Чем характеризуются две новые ветви власти, на которые не указывает в своих творческих исканиях Шарль Луи Монтескье? Власть информации — это не что иное, как гласность, свобода слова и печати, доступность информационных фондов и т. д.

Власть интеллекта характеризуется отбором элиты для всех ветвей, колец правового демократического государства. Понятно, что в таком государстве экономика становится динамичной, высоко активной для нужд общества, а не политических предпочтений ради. Этому благоприятствуют рыночные механизмы, отлаживающие систему производства, сбыта и потребления товара, исключая складирование, высокую затратность сырья, энергии, человеческого труда. При такой экономике доля фонда заработной платы в национальном доходе возрастает и составляет 60—70 %, в СНГ же только 30—40 %, а по другим источникам даже 3—5 %. Оплата труда одного рабочего дня увеличивается. В США — стоит 40 дол., в Швейцарии — 30, в Германии — 28, во Франции — 15, Австрии — 24, в СНГ — лишь один доллар.

Политика и экономика, как видим, тесно взаимодействуют. Однако в различных условиях, определяемых воздействием политических сил различных направлений и их лидеров, на первый план может выходить та или иная категория. Приход к власти либерально-демократических сил обусловил развитие экономики с более широким спектром рыночных механизмов регулирования производства "и смягчением дирижирующей" роли государства.

Иными словами, какова политика, такова и экономика. Нередко и состояние экономики, сложившаяся ее структура, уклад, интеграционные связи требуют адекватных политических подходов и направлений. Попытка привести ее в соответствие с чаяниями определенных сил чревата дезинтеграцией, социальными потрясениями и катаклизмами.

Представляется, что взаимодействие экономики и политики обеспечивается наработанными десятилетиями, если не больше, цивилизованными

действиями властных структур, которые менее болыны потребностью власти, поскольку то, чего нередко добиваются лидеры, устремляясь к кормилу власти, зарубежная элита обладает в большей или меньшей мере от имеющейся у нее собственности, дающей ей независимость, уверенность, достаток. Один лишь пример, характеризующий цивилизованный характер политической власти. В США вот уже два столетия действует закон, регламентирующий процедуру перехода власти новому Президенту. Передача властных полномочий очередному главе государства осуществляется в течение двух месяцев в атмосфере сотрудничества, преемственности, ответственности. Какой контраст между сменой у власти наших бывших руководителей, завершавших свои полномочия грустной церемонией у Кремлевской стены.

Успех развития экономики, а следовательно, и стабильного функционирования социальной сферы на Западе во многом определяется реализацией доктрины "организационного гуманизма", суть которого сводится к тому, что наукоемкие направления, новые технологии лишь тогда дают желаемый результат, когда, помимо передовой техники, работник, занятый на ней, будет защищен социально: будет иметь необходимый уровень образования, достойную оплату труда, нормальную морально-психологическую обстановку в коллективе, уверенность в завтрашнем дне. И если в США, Германии, Японии давно поняли, что голодный сотрудник не способен высокоэффективно трудиться, то у нас это еще не стало заботой государства.

Перестройка, реформы, реструктуризация требуют колоссальных капитальных затрат. Это бремя, как показывают исследования, на Западе стремились распределить более-менее равномерно на всех граждан, чтобы не допустить чрезмерного обогащения одних и обнищания других. Людвиг Эрхард, бывший федеральный канцлер послевоенной Германии и автор доктрины "благополучие для всех" вкл чил в процесс восстановления всех граждан страны: каждый шаг правительства он делал достоянием гласности, не скрывал трудностей, но и определенно говорил, чего Германия добьется в результате осуществления тех или иных мер, в те или иные сроки. Такой контакт, получаемые позитивные результаты, которые люди видели воочию, воодушевляли. В итоге, в 10-летний срок Германия восстановила свой утерянный в ходе войны потенциал. По-нашему, это значит включить человеческий фактор, только у нас он "включался" на словах, поскольку провозглашаемые призывы и устремления не стыковались с реальностью. Человек не был мерилем всех вещей, хотя вокруг этого и было немало политической суеты. Исследователи отмечают, что в западных странах, видимо, учитывая опыт наших социальных потрясений, все же к человеку повернулись лицом и достигли осязуемых успехов. Председатель германского концерн^ "Фольксваген" на вопрос представителя советской делегации, какой участок или станок у них самый дорогой, ответил, пою зысая на рабочего: "У нас нет ничего дороже человека. Он — творец, источник общественного богатства". Звучит по-нашенски, да жаль, что не у нас.

Забота о пользе человека в целом сочетается в ряде западных стран с вниманием к образованию граждан. На эти цели тратятся большие суммы. Только для поощрения успевающих студентов в США ежегодно расходуется до пяти миллиардов долларов. В стране действует система непрерывного образования, до 60 миллиардов тратится на повышение квалификации кадров. В вузах устранена излишняя дифференциация при подготовке специалистов. В России же до некоторых пор вузы готовили специалистов народного хозяйства по 50 специальностям, в США — лишь по 12. Много внимания уделяется научным кадрам. Судите сами, средний возраст диссертантов, завершивших свои работы, не превышает 33 — 35 лет. Налицо забота о полноценном генофонде нации. Мы же свой генофонд подорвали. Подсчитано, что после Октября, гражданской войны, инспирированного голода советская Россия потеряла 20 миллионов чело-

век. Но, потеряв, мало что делает для восстановления. Сегодня в России высокая детская смертность, в стране насчитывается около 10 миллионов дебильных детей, медицина на них затрачивает до двух миллиардов рублей в ценах 1939 года вместо вкладывания средств в современную диагностику и прерывание беременности в аномальных случаях. При этом следует иметь в виду, что 17 процентов детей рождается с нарушениями генетического порядка, а если учесть, что с уровня 30 процентов начинается генетическое вырождение нации, то можно представить, какая опасность нависла над страной.

Тревожное состояние и в нашей стране. С 1985 года смертность возобладала над рождаемостью. Этот губительный процесс интенсифицировался в 90-е годы. Если в 1993 году родилось на 11 тысяч человек меньше, чем умерло, в 1994 году — на 19 тысяч, то в 1995 году на 32 тысячи. Неблагоприятный процесс усугубляется и в текущем году. Только за четыре месяца эта цифра составила 18 410 человек.

Прежде Беларусь была республикой долгожителей. Теперь же средняя продолжительность жизни женщин снизилась с 77,3 до 74,3 года, у мужчин — с 67,5 до 64,6 года. Соответственно они занимают 57 и 75 места в мире.

Тревожный симптом завершают следующие данные. Из 10,3 миллиона жителей Беларуси на начало 1996 года женщин было 5 миллионов четыреста девяносто тысяч. Каждому шестому жителю Беларуси за 60 лет, в сельской местности этот возраст у каждого третьего. Если исходить из известного афоризма, что лишь древо жизни вечно зеленеет, можно с полным основанием заключить — древо жизни Беларуси увядает.

Вторым принципиальным положением эффективной экономики является организация управления на основе системного подхода. В США отлаживанию системы управления на уровне учреждения, организации, министерства, государства уделяется пристальное внимание. Здесь считают, что в структуре управления не должно быть излишних, дублирующих, подменяющих звеньев, стремятся, чтобы экономические принципы работали в соответствии со своими предназначениями, чтобы высококвалифицированный, высокооплачиваемый работник не выполнял работу, которая поручена человеку другого уровня образования и зарплаты. "Нарушение этого правила повышает себестоимость производства и ведет к расточению человеческих ресурсов", — замечает В. И. Терещенко,¹

Интересна позиция профессора С.Н. Федорова, руководителя объединения "Микрохирургия глаза", структуры которого действуют в Москве и 11 других городах и за рубежом. "Он считает, что при разумной организации дела» соответствующем стимулировании труда высокоэффективно действуют и коллективные формы собственности. С.Н. Федоров на практике осуществил, как он утверждает, три главных принципа К. Маркса: нормальные условия для развития индивида, здоровье людей и их материальный достаток.

В этой же плоскости лежит и пример из организации сельскохозяйственного производства в СССР. В начале 60-х годов И.Н. Худенко возглавил отсталый совхоз Илийский, что в Казахстане. Без единого рубля дотаций, лишь усовершенствовав организацию труда, он добился невиданных в те времена результатов: устранил обюрократившиеся звенья, освободил от сковывавшей отчетности и т.д., изгнал болтунов и бездельников, ввел принцип материальной заинтересованности. Только за год валовой сбор зерна вырос вдвое, число работников сократилось с 202 до 29. Если в 1962 году на одного работника производилось 156 центнеров зерна, то в 1963 г. — 3173 центнера. Число управленцев уменьшилось со 132 до 2 человек. Полезный эксперимент; однако, был прер-

¹ Терещенко В.И. Организация и управление (ОПЫТ США). М., Экономика, 1995. С. 6.

ван, а сам Иван Никифорович был оклеветан и окончил свои дни в тюрьме. Я думаю, что в эксперименте И.Н. Худенко усмотрели опасность высвобождения в масштабах страны огромной армии работников и ненужных управленцев, которых захотели привлечь к новому делу. Оказалось проще прекратить эксперимент, чем решить продовольственную проблему. Из опыта И.Н. Худенко и других подвижников совершенствования организации дела вытекает, что управление должно быть системным, т.е. отлаженным механизмом. Не может быть панацеей и частная форма организации труда, если у фермера не отлажен механизм: техника — семена — реализация и др., что призвано составить систему. При сбоях возможны негативные последствия. К примеру, в системе не решен вопрос со сбытом, что может побудить фермера вести натуральное хозяйство, исправно платить налоги, государство же будет вынуждено закупать сельскохозяйственную продукцию за рубежом. Необходим системный подход к проблеме, требуется совершенствовать формы собственности, создавать возможности для развития всех форм. О том, что этот вопрос назрел, говорят данные, В 1990 году 97 % земли СССР находилось в распоряжении колхозов и совхозов. И лишь три процента — в частном владении. Но 80 % колхозов и совхозов являлись убыточными, тогда как частный сектор давал до 30 % овощей. Государство постоянно списывало долги колхозов и совхозов на миллиарды рублей, вместо того чтобы побеспокоиться о многообразии форм собственности, их рентабельности и решить проблему продовольствия. Неслучайно СССР занимал последнее место среди 22 государств-членов Организации, экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) по производительности труда в аграрном секторе. В стране в 1989 году в сельском хозяйстве было занято работников больше, чем во всех странах ОЭСР, вместе взятых, но продукции ими производилось в пять раз меньше, чем в странах ОЭСР. Уровень же производительности труда был примерно в 10 раз ниже, чем в США, Нидерландах, Канаде.

Первые подвижки в "реабилитации" частной инициативы свидетельствуют, что частную инициативу, "частную" мотивацию труда нельзя игнорировать. Один из примеров, пусть небольшой, но показательный. В сельском хозяйстве Брестской области в 1996 году частный сектор в общем объеме валовой продукции занимал 46 %. Прирост объемов в этом же году составил 11,1%, против 1,3 % в общественном секторе. В торговле области темпы роста в частном секторе составили 28 %, в государственном — 17,7 %.

Из совокупности сказанного можно сделать вывод, что ленинское выражение "политиха есть концентрированное выражение экономики" не утратило своей смысл. И сегодня для каждого здравомыслящего человека это означает: какова экономика, такова и политика, какова политика, такова и экономика. Важно лишь не приносить экономику в жертву политике и политические амбиции не возвышать над экономической.

Краткая история жизни нэпа яркое тому свидетельство, а растоптание его — подтверждение губительности возвышения неразумной политики над экономикой. В этой связи развал СССР — не случайное явление, а облеченное в форму вискулевскогоговора предательство лидеров КПСС. Как только пресс репрессий и духовного обуздания ослаб, сжимавшаяся от десятилетия к десятилетию пружина внутренней нестабильности, несистемности, безалаберности и преступности распрямилась и силой отталкивания смела кучку паразитов в лице переставшего мыслить, творить узкого круга кремлевского ареопага.

Попытки осмысления происходящего, стремление исправить положение, наладить новые экономические отношения субъектов федерации СССР предпринимались, в сущности, во все времена совместного проживания советских республик. Несовершенство экономических связей, как представ-

ляется, рельефнее виделось прибалтийским республикам, близко знакомым с укладом жизни соседей по морю. Попытка что-либо решить с Москвой без "раскачивания" лодки не дали результатов. И тогда прибалты сформулировали концепцию "республиканского хозрасчета" или экономической самостоятельности от центра. Используя политическую мимикрию, камуфлируя подлинные цели, боясь репрессий, прибалты, одержимые стремлением к самостоятельности, недостаточно просчитали свои возможности жить "хуторской" жизнью, обособленно от сформировавшегося, пусть и несовершенно, экономического организма СССР. Политика здесь также выдвинулась на передний план. Практика показала, что обособление не дало желаемого экономического эффекта. Социологический опрос проведенный британским исследователем Ричардом Роузом¹, показывает, что, к примеру, среди эстонцев 43 % и 41 % неэстонцев положительно отнеслись к нынешней экономической системе своей страны. Но 53 % эстонцев и 76 % неэстонцев все же позитивно отнеслись к экономической системе СССР. ."

Красноречивы показатели и в Латвии. Нынешнюю экономическую систему одобряют лишь 25 % латышей и 28 % нелатышей. К советской же экономической системе положительно отнеслись 59 % латышей и 75 % нелатышей. Нет сомнений, что данные характеристики обусловлены все же довольно сильной социальной политикой СССР, чего так не хватает сегодня Эстонии и Латвии. Вместе с тем убежден, если бы вопрос социологического исследования коснулся экономики и политики, опрашиваемые высказались бы за их взаимодействие, взаимообусловленность, где нет места "впередибегущему". Политическую независимость не строят на экономической изоляции. Там, где упорствуют в этом, неизбежен полный развал экономики. Не случайно настоящие, сведущие экономисты видят в политике препятствие для развития экономики. На политику они смотрят как на разновидность экономической деятельности.

И еще один штрих к пониманию вопроса: несоответствие политических задач возможностям экономики. И это результат того, что экономика в течение длительного времени обслуживала политику. Это обусловило почти привычное первенство политики, создало иллюзию ее верховенства. Действовать же надо исходя из оправданных жизнью экономических законов, а не политических устремлений.

Отсюда вывод об объективности единства политики и экономики. Заключенный об интеграции Союз Беларуси и России следует рассматривать, с одной стороны, как событие политическое, с другой, как явление экономическое. Как в процессе производства интегрируются различные стороны процесса труда, так и в политической, социальной сфере тесно, нераздельно переплетаются людские жизненные интересы. Политика и экономика, таким образом, нерасторжимое целое. В этом социалистическом единстве предстоит осуществить преобразования всей нашей жизни.

¹ "Центральная газета", 1996, 4—10 окт.